

Научная статья



DOI: 10.15593/2224-9354/2026.1.2

УДК 316.752:328.185-057.875

М.Н. Макарова, М.Г. Савельева

## ВЛИЯНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ФАКТОРОВ НА СКЛОННОСТЬ К КОРРУПЦИИ У СТУДЕНТОВ ВУЗА

Проведено исследование влияния ценностных факторов на склонность студентов вузов к коррупции. Анализируется существующая литература, рассматривающая взаимосвязь между индивидуальными ценностями и коррупционным поведением. Основной целью исследования становится изучение воздействия ценностных характеристик на восприятие и оправдание коррупции учащимися. Работа основана на междисциплинарном подходе, объединяющем аксиологическое направление, основанное на системе человеческих ценностей, и социокультурный подход, обращаясь к культурно-историческому контексту. Цель исследования состоит в определении ключевых факторов, способствующих восприятию и принятию коррупции среди молодых людей. Эмпирическая база исследования представлена результатами опроса студентов Удмуртской Республики, который проводился осенью 2025 г. Методом количественного анализа выявлены зависимости между различными характеристиками личности (совестливость, материализм, творчество, внутренние и внешние установки) и готовностью оправдывать коррупционные действия. Выяснилось, что студенты с ярко выраженной моральной приверженностью (совестливостью) и постматериалистическими установками демонстрируют меньшую склонность к одобрению коррупции. Кроме того, установлены различия в восприятии коррупции среди мужчин и женщин, а также между младшими и старшими курсами. Юноши чаще, чем девушки, склонны оправдывать коррупционное поведение. Чем старше студент, тем менее толерантно он относится к коррупции. Основные выводы работы подтверждают ключевую роль совестливости и ценностей выживания в предрасположенности к коррупции. Такие результаты создают основу для организации эффективной профилактической работы в вузах, включая развитие специальных программ и тренингов, направленных на укрепление антикоррупционных установок и воспитание критического мышления у студентов.

Ключевые слова: *ценности, коррупция, постматериализм, совестливость, социокультурный подход, аксиологический подход.*

**Введение.** Коррупционные практики встроены в социокультурный контекст, который формирует и определяет поведение индивидов в социуме. Аксиологический и социокультурный подходы являются важными направлениями современных социальных наук и имеют свою специфику и сферу применения. Аксиологический подход рассматривает структуру человеческих ценностей, определяющих выбор индивидов и социальных групп и механизмы этого влияния. Он также помогает объяснить мотивацию действий отдельных лиц и коллективов и позволяет анализировать трансформации ценностей и их последствия для социальной дина-

---

© Макарова М.Н., Савельева М.Г., 2026

**Макарова Марина Николаевна** – д-р социол. наук, доцент, профессор кафедры социологии ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», Ижевск, e-mail: makmar11@mail.ru.

**Савельева Марина Геннадьевна** – канд. пед. наук, доцент, доцент кафедры педагогики и педагогической психологии ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», Ижевск, e-mail: savelievamarinatich@mail.ru.

мики. Наблюдается недостаточное количество исследований, направленных на определение влияния личностных ценностей и установок на склонность к коррупции [1, p. 265]. Социокультурный подход рассматривает общество как продукт культуры и взаимодействий между людьми, фокусируясь на культурных аспектах социальной жизни. Исследования в рамках этого подхода делают акцент на значимости культурного контекста: на нормах, традициях, обычаях и символах, формирующих социальную реальность. Культура рассматривается как система смыслов, символов и практик, регулирующих жизнь группы.

Согласно исследованиям, теория рационального выбора перестала эффективно объяснять коррупционное поведение [2]. Например, сомнения вызывают предположения этой теории о мотивации: теория предполагает, что люди действуют исключительно исходя из расчетов выгоды и риска, однако психологические исследования показывают, что человеческие решения часто обусловлены когнитивными искажениями и эмоциональными факторами, такими как чувство вины или стремление избежать потерь. В этой связи использование аксиологического и социокультурного подходов могут пролить свет на то, каким образом ценности индивида и социума могут повлиять на коррупционное поведение или склонность к коррупции. Оба подхода важны для комплексного понимания социальных процессов. Аксиологический подход подчеркивает важность индивидуальных и общественных ценностей, влияющих на поведение и организацию обществ, в то время как социокультурный подход сосредотачивается на культурных факторах, оказывающих воздействие на формирование социальных норм и институтов. Их совместное использование обогащает методологию и повышает качество социальных исследований.

Целью настоящего исследования является анализ возможностей влияния ценностных характеристик на опыт и восприятие коррупции студентами вузов. Студенчество является той социальной группой, чьи ценности необходимо исследовать, особенно применительно к их воздействию на различные формы девиантного поведения. Именно в юношеском возрасте и в процессе обучения формируются основные установки относительно добросовестности социальных взаимодействий и уважения к закону. Изучение влияния ценностных факторов на восприятие коррупции студентами как будущими агентами социально-экономических отношений позволит выстроить взвешенную политику в сфере антикоррупционного просвещения молодежи.

**Обзор литературы.** Аксиологический подход часто связывают с методологией Ш. Шварца, который развивает его прежде всего путем определения базовой структуры ценностей. Шварц выделяет десять базовых человеческих ценностей, каждая из которых обладает своей уникальной функцией и удовлетворяет конкретные нужды личности и общества. Эти ценности организованы в четыре широкие категории: самосовершенствование, открытость переменам, сохранение и социальный порядок [3].

Как отмечают исследователи, сравнивающие ценностные факторы, связанные с коррупцией, в разных культурах, приемлемость коррупции взаимосвязана с базовыми ценностями. Результаты исследования А. Татарко и А. Мироновой [4] подчеркивают, что отношения между ценностными категориями, измеренными в рамках модели Шварца, и приемлемостью коррупции схожи в России и Греции. Значения власти и доминантности, связанные с развитием личности и самооценкой, сильнее ассоциируются с принятием коррупции, тогда как ценности консерватизма и самотрансценденции, ориентированные на поддержание сплоченности общества, больше связаны с неприятием коррупции.

Ротонди и Станка [5] обнаружили, что партикуляризм (убеждение, согласно которому моральная ценность поступков зависит от контекста) снижает издержки совершения коррупционного акта и, следовательно, увеличивает вероятность дачи и принятия взятки. Аналогичным образом некоторые исследования [6, р. 9] показали, что высокий уровень самооценки способствует снижению тенденции к совершению коррупционных действий. Материализм относится к повышенной значимости материальных благ и стремлению к приобретению богатства, имущества, статуса и образа жизни. Исследование демонстрирует, что материализм играет роль посредника между самооценкой и коррупционными намерениями: низкое чувство собственного достоинства стимулирует желание компенсировать его материальными достижениями, что увеличивает вероятность коррупции.

В рамках аксиологического подхода существует обширная научная литература о влиянии индивидуальных убеждений и ценностей на склонность к участию в коррупционных действиях. Бай, Лю и Коу [7] провели исследование, показавшее, что вера в справедливый мир способствует сокращению намерений совершать коррупционные действия. Другие исследования показали, что люди, идентифицировавшие себя с личностными качествами, которыми они фактически не обладали, вместе с такими характеристиками, как «этическое мышление», и своим собственным имиджем могли отделять способность рассуждать морально от конкретных поступков, что делало их более восприимчивыми к коррупционным действиям. Эту черту еще называют феноменом псевдо-Я [8]. Исследование показывает, что люди с выраженной псевдоличностью склонны демонстрировать моральное отключение, упрощающее реализацию коррупционных действий.

Склонность к риску повышает вероятность участия в коррупционных действиях. Люди, готовые идти на риск, рассматривают коррупцию как один из способов быстрого обогащения или сохранения текущего положения, несмотря на возможные негативные последствия [9, р. 296].

Также уровень самоконтроля и локус-контроля взаимосвязан с коррупционными деяниями по результатам ряда исследований. Эксперимент Тревино и Янгблада [10] показал, что люди с большей степенью самоконтроля и лучшим

развитием нравственности с большей вероятностью принимают этические деловые решения. Эксперимент Рекерс и Самуэльсон подтвердил, что люди с сильным локусом контроля и высоким чувством ответственности менее склонны подчиняться требованиям, связанным с нарушением этики [11, р.7]. Исследование студентов 11 стран показало положительную взаимосвязь между внутренним локусом контроля и этическими убеждениями. В то же время не во всех странах эта взаимосвязь была значима, что говорит о важности культурного контекста в подобного рода исследованиях [12].

Имеются и противоположные результаты, хотя и связанные не с коррупцией, а с криминальным поведением. Так, исследования индийских ученых Диллана и Ха показали, что внутренний локус-контроль у преступников выше, нежели у людей, не совершавших преступления [13, р. 117–118]. В то же время рядовые граждане, обладающие более низким уровнем локус-контроля, не всегда осознают свои поступки, менее информированы об их последствиях. Неоднозначность фактора локус-контроля также показана в работе Октивины с коллегами [14], которые пришли к выводу, что люди с высоким уровнем «божественного локус-контроля» (God Locus of Control) чаще склонны к этическим решениям, поскольку вера усиливает чувство ответственности перед религиозными нормами и правилами поведения. Наличие противоречивых результатов показывает зависимость ценностных установок от социальных и культурных факторов.

Моральная приверженность является наиболее значимым ценностным фактором, влияющим на коррупционное поведение или коррупционные установки. Согласно исследованиям Таннера с коллегами [15], люди, сильно приверженные морали и показывающие высокую оценку таких качеств, как добросовестность, честность и смирение, намного реже вступают в коррупционные практики даже перед лицом значительных финансовых преимуществ. Также согласно исследованию Рота и коллег, люди с высокими моральными качествами могут противостоять внешнему воздействию, а те, чьи ценности смещены в сторону эгоизма и индивидуализма, легче соглашаются на нарушение норм [16].

В рамках социокультурного подхода постматериалистические ценности неоднозначно взаимосвязаны с коррупционными ориентациями и установками. Термин введен американским социологом Р. Инглхартом в конце XX в. и противопоставлен традиционным материалистическим ценностям. Постматериалисты придают особое значение личным свободам, правам человека, самоактуализации и творческому развитию. Они ставят на первый план качество жизни, комфорт, экологию, здоровье и безопасность, предпочитая стабильность материального достатка погоне за богатством. Согласно исследованию, проведенному М. Кравцовой [17], отношение к коррупции зависит одновременно от индивидуального акцента на постматериалистические ценности и социальной среды страны. Постматериалисты изначально проявляют большее принятие коррупции на личном уровне. Их установки на свободу выбора и не-

зависимость делают их более толерантными к вопросам, касающимся личной выгоды и власти. Однако в странах с высоким уровнем распространения постматериалистских ценностей общее негативное отношение к коррупции усиливается («эффект эскалатора»). Когда большое количество людей поддерживает постматериалистические взгляды, возникают положительные социальные внешние эффекты, что укрепляет коллективное неприятие коррупции.

Традиционно-материалистические и секулярно-рациональные ценности, предложенные Р. Инглхартом, также представляют собой важные культурные измерения, оказывающие значительное влияние на коррупцию. Исследование, проведенное Йегане, показало, что традиционные материалистические ценности (низкий уровень свободы самовыражения, высокая степень религиозной и семейной солидарности) усиливают коррупцию. Исследование показало, что борьба с коррупцией должна учитывать не только экономические реформы, но и культурные изменения, направленные на укрепление принципов равноправия, прозрачности и уважения к закону [18]. Однако в специфическом социокультурном контексте значимость отношения к религии и к материальным ценностям существенно варьируется, что ограничивает возможность унификации при анализе. В. Ту с коллегами провели исследование взаимосвязи диспозиций Хофстеде на толерантность к коррупции гражданских служащих на индивидуальном уровне и пришли к выводу, что оправдание к коррупции выше у лиц с повышенными значениями коллективизма, дистанции власти и маскулинности. Напротив, избегание неопределенности негативно взаимосвязана с этим показателем [19].

Таким образом, на основании анализа литературы можно сформировать ценностный портрет коррупциогенной личности. Она чаще обладает такими качествами, как консерватизм, коллективизм, низкая моральная приверженность, низкий или экстернальный локус-контроль, экстравертность, склонность к риску, материализм, традиционные ценности и ценности выживания.

**Материалы и методы.** С целью определения влияния ценностных факторов личности на склонность к коррупции в сентябре – октябре 2025 г. был проведен опрос студентов вузов Удмуртской Республики. Объем выборки составил 300 человек. В качестве зависимых переменных были взяты следующие:

1. Оправдание коррупции – переменная, созданная путем суммирования переменных, измеряющих отношение студента к 12 формам поведения (по шкале от 1 до 7, где 1 – совершенно неприемлемое поведение, 7 – вполне приемлемое, нормальное поведение):

- Взятки за ускорение или качество медицинских услуг.
- Дача взятки инспектору ГИБДД.
- Злоупотребление властью для получения значительных финансовых выгод, хищения государственных средств.
- Использование политических должностей для личного обогащения, финансирование партий бизнесом за получение покровительства.

- Получение неформальных выплат или услуг за принятие решений, выдачу документов.

- Влияние на судебные решения за определенную плату, услугу.
- Дача взяток, «откаты» для получения контрактов.
- Использование личных связей для повышения по службе.
- Подарок преподавателю за сданный зачет или экзамен.

2. Оправдание взяточничества. Для измерения оправдания взяточничества был выбран инструмент, использованный в анкете для населения, разработанной согласно Постановлению Правительства РФ от 25 мая 2019 г. № 662 «Об утверждении методики проведения социологических исследований в целях оценки уровня коррупции в субъектах Российской Федерации». Студентам было предложено оценить отношения к взяткам по следующей шкале: «1 – осуждаю и тех, кто дает взятки, и тех, кто их берет; 2 – осуждаю тех, кто дает взятки; не осуждаю тех, кто их берет; 3 – не осуждаю тех, кто дает взятки; осуждаю тех, кто их берет; 4 – не осуждаю ни тех, кто дает взятки, ни тех, кто их берет; 0 – затрудняюсь оценить. Далее была создана искусственная бинарная переменная, где 0 – осуждаю и тех, кто дает взятки, и тех, кто их берет; затрудняюсь оценить. Балл 1 был присвоен всем остальным формам оценки, в которых имеется та или иная форма оправдания коррупции.

В качестве зависимых переменных были использованы следующие показатели:

1. Индивидуальные факторы: пол, курс, успеваемость (преобладающий балл в зачетке, наличие задолженностей).

2. Локус-контроль измерялся на основе теста смысложизненных ориентаций, который является адаптированной версией теста «Цель в жизни» (Purpose-in-Life Test, PIL) Джеймса Крамбо и Леонарда Махолика. Русскоязычная версия теста осмысленности жизни (ОЖ) была разработана и адаптирована Д.А. Леонтьевым [20, 21] и включает две переменные:

- Локус-контроль Я (Я – хозяин жизни). Высокие баллы соответствуют представлению о себе как о сильной личности, обладающей достаточной свободой выбора, чтобы построить свою жизнь в соответствии с собственными целями и представлениями о ее смысле. Низкие баллы – неверие в свои силы контролировать события собственной жизни. Респондентам было предложено выразить свое согласие с 4 суждениями с использованием 7-значной шкалы Лайкерта.

- Локус-контроль Жизнь, или управляемость жизни. При высоких баллах – убеждение в том, что человеку дано контролировать свою жизнь, свободно принимать решения и воплощать их в жизнь. Низкие баллы – фатализм, убежденность в том, что жизнь человека неподвластна сознательному контролю, что свобода выбора иллюзорна и бессмысленно что-либо загадывать на будущее. Респондентам было предложено выразить свое согласие с 3 суждениями с использованием 7-значной шкалы Лайкерта.

Были созданы две искусственные переменные путем суммирования оценок соответствующих суждений: «Локус-контроль Я» (Альфа Кронбаха = 0,76) и «Локус-контроль Жизнь» (Альфа Кронбаха = 0,722).

3. Совесть (моральная приверженность) измерялась на основе «психодиагностического теста», разработанного В.М. Мельниковым и Л.Т. Ямпольским на основании зарубежных методик (ММРІ и 16-факторный опросник Р. Кеттелла) [22, 23]. Для лиц с высокими значениями фактора «совести» характерны такие особенности личности, влияющие на мотивацию поведения, как чувство ответственности, добросовестность, стойкость моральных принципов. В своем поведении они руководствуются чувством долга, строго соблюдают этические стандарты, всегда стремятся к выполнению социальных требований; высокая добросовестность обычно сочетается с хорошим самоконтролем. Респондентам было предложено выразить свое согласие с 14 суждениями на основе 7-значной шкалы Лайкерта. Также была создана новая переменная путем суммирования соответствующих ответов (Альфа Кронбаха = 0,748).

4. Креативность (стремление к творчеству) измерялась на основе опросника «Самоактуализация» (Э. Шостром) [24]. Респондентам было предложено 12 пар альтернативных высказываний. За высказывание, соответствующее показателю креативности, давался 1 балл, противоположный выбор оценивался как 0 баллов.

5. Ведущие ценности измерялись на основе модифицированного опросника ценностей Р. Инглхарта [25]. Опросник основан на теории модернизации и позволяет выявить ведущие ценности общества. Оценивается приверженность к традиционно-консервативным ценностям или либеральным ценностям (личная свобода и эмансипация от норм). Опросник включает в себя две шкалы: «Традиционные / секулярно-рациональные ценности» (Т/S-RV) и «Ценности выживания / ценности самовыражения» (S/S-EV). Методика предполагает шкалу ответов, где 1 – совершенно не согласен, а 7 – абсолютно согласен относительно 14 высказываний. Количественная оценка выраженности параметров позволяет определить выраженность тех или иных ценностей в культуре: чем выше показатели по параметру «традиционные / секулярно-рациональные ценности», тем более для данной культуры характерны традиционные ценности (соответственно, тем ниже уровень экономического развития); чем выше показатели по параметру «ценности выживания / самовыражения», тем более для данной культуры характерны ценности выживания (соответственно тем ниже уровень экономического развития). Были созданы две новые переменные на основе вычисления среднего значения по 7 измерителям в каждой группе высказываний.

Основным методом определения роли факторов оправдания коррупции и взяточничества стал метод регрессионного анализа.

**Результаты.** Рассмотрим описательную статистику для двух зависимых переменных – оправдания коррупции и взяточничества (табл. 1).

Таблица 1

Описательная статистика для переменных оправдания коррупции  
и итоговой переменной «Оправдание коррупции»

Вид поведения	Минимум	Максимум	Среднее	Ст.откл.
Взятки за ускорение или качество медицинских услуг	1	7	2,52	1,88
Дача взятки инспектору ГИБДД	1	7	1,9733	1,67
Злоупотребление властью для получения значительных финансовых выгод, хищения государственных средств	1	7	1,3	0,91
Использование политических должностей для личного обогащения, финансирование партий бизнесом за получение покровительства	1	7	1,43	1,08
Получение неформальных выплат или услуг за принятие решений, выдачу документов	1	7	1,81	1,37
Влияние на судебные решения за определенную плату, услугу	1	7	1,33	0,99
Дача взяток, «откаты» для получения контрактов	1	7	1,56	1,24
Использование личных связей для повышения по службе	1	7	2,54	1,74
Подарок преподавателю за сданный зачет или экзамен	1	7	3,818	2,25
«Оправдание коррупции» (Альфа Кронбаха = 0,846)	9	63	18,28	9,36

Анализ показал, что наиболее приемлемой формой поведения студенты считают вручение подарков преподавателям (см. табл. 1). Этот вид действия является наиболее дискутируемым в современном российском обществе. Согласно статье 575 Гражданского кодекса, учителям и преподавателям запрещено принимать подарки дороже 3000 руб., за исключением «обычных» подарков, стоимость которых не превышает эту сумму. В настоящее время обсуждается повышение этой суммы до 10 000 руб. Также средние значения таких форм коррупции, как взятки за медицинское обслуживание и использование личных связей для карьерного продвижения, несколько выше, чем у остальных форм поведения.

Результаты частотного анализа и описательная статистика для оправдания взяточничества:

осуждаю и тех, кто дает взятки, и тех, кто их берет ..... 3,4 %  
 осуждаю тех, кто дает взятки; не осуждаю тех, кто их берет ..... 66,9 %  
 не осуждаю тех, кто дает взятки; осуждаю тех, кто их берет ..... 1,5 %  
 не осуждаю ни тех, кто дает взятки, ни тех, кто их берет ..... 13,7 %  
 Итого ..... 100 %

Бинарная переменная «Оправдание взяточничества» ( $\min = 0$ ,  $\max = 1$ ) имеет среднее значение 0,29 (стандартное отклонение 0,46), т.е. почти треть опрошенных оправдывает взятки в той или иной форме.

Для выявления детерминант оправдания коррупции был использован метод линейного регрессионного анализа (табл. 2).

Таблица 2

Результаты линейного регрессионного анализа факторов оправдания коррупции, В ( $\beta$ ) для каждой переменной, R<sup>2</sup>, F для модели в целом\*

Переменные	В ( $\beta$ )
Пол	-2,524 (-0,123)*
Курс	-0,913 (-0,124)*
Преобладающий балл в зачетке	1,481 (0,094)
Наличие задолженностей	-1,847 (-0,112)
Занятость	-0,104 (-0,005)
Локус Я	0,276 (0,124)
Локус Жизнь	0,049 (0,02)
Совестливость	-0,228 (-0,263)***
Креативность	0,41 (0,087)
Традиционные ценности	0,148 (0,016)
Ценности выживания	2,744 (0,194)**
R <sup>2</sup>	0,118
F	3,514***

*Примечание.* Зависимая переменная: оправдание коррупции,

\* $p < 0.05$ , \*\* $p < 0.01$ , \*\*\* $p < 0.001$ .

Результаты оценки факторов оправдания коррупции показали, что пол и курс обучения значимо влияют на этот параметр: юноши чаще, чем девушки, склонны оправдывать коррупционное поведение; чем старше студент, тем менее толерантно он относится к коррупции (см. табл. 3). Как показывают некоторые исследования, мужчины более склонны к риску и конкуренции, что их чаще толкает к коррупционному поведению, чем женщин [26]. С возрастом студенты становятся более информированными как о коррупции, так и ее формах, последствиях и санкциях за коррупционное поведения, поэтому реже склонны оправдывать коррупцию. Этому могут также способствовать преподаваемые антикоррупционные дисциплины, которые реализуют общую для всех российских образовательных стандартов компетенцию «нетерпимость к коррупционному поведению». Совестливость как моральный фактор также значимо негативно влияет на склонность к коррупции. Чем выше степень уважения к социальным нормам и этическим требованиям, тем менее студенты оправдывают коррупцию. Ценности выживания (материалистические) позитивно связаны со склонностью к коррупции. Напротив, постматериализм (ценности самовыражения) способствует снижению оправдания коррупции.

Для определения значимости факторов оправдания взяточничества был использован метод бинарного логистического регрессионного анализа (табл. 3).

Относительно оправдания взяточничества совестливость и ценности выживания также показали значимую взаимосвязь с этим показателем (см. табл. 3).

Таблица 3

Результаты бинарного логистического регрессионного анализа факторов оправдания взяточничества,  $B$ , ( $\text{Exp}B$ ), 95% C.I. for  $\text{Exp} (B)$  для каждой переменной; Cox and Snell  $R^2$ , Hosmer and Lemeshow test,  $-2 \log$ -likelihood для модели в целом)\*

Переменные	$B$ ( $\text{Exp}B$ )	95% C.I. for $\text{Exp} (B)$
Пол	-0,636 (0,529)	0,28 – 1,001
Курс	-0,077 (0,925)	0,731 – 1,171
Преобладающий балл в зачетке	-0,231 (0,794)	0,449 – 1,403
Наличие задолженностей	-0,099 (0,906)	0,535 – 1,535
Занятость	0,374 (1,453)	0,767 – 2,754
Локус Я	-0,013 (0,987)	0,896 – 1,088
Локус Жизнь	0,109 (1,116)	0,995 – 1,251
Совестливость	-0,069 (0,934)***	0,902 – 0,967
Креативность	-0,009 (0,991)	0,849 – 1,158
Традиционные ценности	0,066 (1,068)	0,718 – 1,587
Ценности выживания	0,785 (2,192)**	1,31 – 3,669
$R^2$ (Cox and Snell)	0,125	
Hosmer and Lemeshow test	$\chi^2 = 9,97$ $p = 0,267$	
$-2 \text{ Log-likelihood}$	284,562a	

Примечание. Зависимая переменная: оправдание взяточничества,

\* $p < 0.05$ , \*\* $p < 0.01$ , \*\*\* $p < 0.001$ .

**Заключение.** Аксиологический подход в сочетании с социокультурными исследованиями формирует основы для комплексного анализа взаимосвязи личностно-психологических и социально-культурных детерминант с коррупционным поведением и коррупционными ориентациями. С одной стороны, важно изучить, как индивидуальные ценностные ориентации, смысложизненные установки могут иметь взаимосвязь с коррупционным поведением.

Результаты исследования показали важность учета как индивидуально-личностных, так и социокультурных ценностей при объяснении склонности к коррупции. Совестливость как предиктор оправдания коррупции может быть рассмотрена в рамках морального аспекта добросовестности как базовой антикоррупционной ценности. Она включает основные ценности и принципы, которые разделяют все честные люди независимо от религии или культуры [27]. В то же время, согласно многим исследованиям, моральная приверженность и моральное поведение зависят от социального и культурного контекста [28, p. 126]. Тем не менее приверженность к моральным нормам и принципам как некий универсальный мировоззренческий приоритет личности может быть рассмотрен как фактор оправдания коррупции в рамках аксиологического подхода. Второй показатель – ценности выживания – может быть лучше объяснен скорее в рамках социокуль-

турного, нежели аксиологического подхода. Этот тип ценностей связан с низким уровнем доверия, в то время как доверие является одним из важных предикторов коррупции: чем выше уровень доверия в обществе, тем коррупция ниже.

С точки зрения антикоррупционного воспитания и образования молодежи необходимо отметить важность формирования таких моральных качеств, как честность, уважение к окружающим, добросовестность и ответственность. При этом необходимо уделять внимание сложным практическим ситуациям, в которые попадают люди в повседневной жизни, этическим дилеммам, которые могут привести к риску коррупции. Для формирования антикоррупционного сознания является важным приобщение к ценностям толерантности к социальным различиям. В России эти ценности являются частью государственной политики и стратегий воспитания. Ценности материализма также включаются в ценности выживания и способствуют оправданию коррупции. Это говорит о необходимости формирования у молодежи установок, направленных на самосовершенствование, повышение культурного и морального уровней. Как показали исследования, ценности, выявленные Инглхартом, имеют существенную зависимость от социокультурного контекста и нуждаются в разработке приоритетов, применимых к конкретному сообществу. В настоящее время во всем мире происходит переосмысление таких базовых ценностных категорий, как «доверие», «толерантность», «демократия» и других. Это вызвано геополитическими изменениями, ростом социальных конфликтов, развитием цифровых технологий и искусственного интеллекта, миграционными процессами и пр. Все эти трансформации в первую очередь отражаются в неустойчивости социальных ценностей молодежи, в том числе их установок относительно коррупции. Поэтому антикоррупционное просвещение должно быть направлено не только на информирование о коррупции и пропаганду антикоррупционных ценностей как обобщенных категорий, но и на формирование устойчивых схем поведения в определенных ситуациях и в конкретном социокультурном контексте.

## Список литературы

1. Tu, W. Influence of individual values on attitudes toward corruption: What undermine formal anticorruption effectiveness / W. Tu, J. Yang, Y. Zheng // *Asian Journal of Social Psychology*. – 2020. – № 23. – P. 264–277.
2. Dupuy, K. The cognitive psychology of Corruption. Micro-level explanations for unethical behavior [Электронный ресурс] / K. Dupuy, S. Neset // *U4 Issue*. – 2018. – № 2. – URL: <https://www.u4.no/publications/the-cognitive-psychology-of-corruption.pdf> (дата обращения: 12.10.2025).
3. Шварц, Ш. Культурные ценностные ориентации: природа и следствия национальных различий / Ш. Шварц // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. – 2008. – Т. 5, № 2. – P. 37–67.

4. The Relationship between Basic Human Values and Use of Information and Communication Technology among Younger and Older Generations / A.N. Tatarko, E.V. Maklasova, D.I. Dubrov, M.A. Bagdasaryan // *Psychological Science and Education*. – 2022. – № 27(2). – P. 5–18.

5. Rotondi, V. The effect of particularism on corruption: theory and empirical evidence / V. Rotondi, L. Stanca // *Journal of Economic Psychology*. – 2015. – № 51. – P. 219–235.

6. The effect of self-esteem on corrupt intention: The mediating role of materialism / Y. Liang, L. Liu, X. Tan, Z. Huang, J. Dang, W. Zheng // *Frontiers in Psychology*. – 2016. – № 7. – P. 1–11.

7. Bai, B. Belief in a just world lowers bribery intention / B. Bai, X. Liu, Y. Ko // *Asian Journal of Social Psychology*. – 2016. – № 19 (1). – P. 66–75.

8. Abraham, J. The Psychology of Corruption: The Role of the Counterfeit Self, Entity Self-Theory, and Outcome-Based Ethical Mindset / J. Abraham, J. Suleeman, B. Takwin // *Journal of Psychological & Educational Research*. – 2018. – № 26 (2). – P. 7–32.

9. Lee, W. Engaging in corruption: The influence of cultural values and contagion effects at the microlevel / W. Lee, C. Guven // *Journal of Economic Psychology*. – 2013. – № 39. – P. 287–300.

10. Trevino, L.K. Bad Apples in Bad Barrels: A Causal Analysis of Ethical Decision-Making Behavior / L.K. Trevino, S.A. Youngblood // *Journal of Applied Psychology*. – 1990. – № 75(4). – P. 378–386.

11. Reckers, P. Toward Resolving the Debate Surrounding Slippery Slope Versus Licensing Behavior: The Importance of Individual Differences in Accounting Ethical Decision Making / P. Reckers, M. Samuelson // *Advances in Accounting, Incorporating Advances in International Accounting*. – 2016. – № 34. – P. 1–16.

12. The Global Significance of Locus of Control in Ethical Decision Making: A Multi-Country Examination of University Students [Электронный ресурс] / A. Smith, E.C. Hume, R. Zimmermann, A. Davis // *Faculty Publications*. – 2007. – № 32. – URL: [https://scholarworks.sfasu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1031&context=accounting\\_facultypubs](https://scholarworks.sfasu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1031&context=accounting_facultypubs) (дата обращения: 22.09.2025).

13. Dhillon, R. Locus of control: a comparative study of criminals and non-criminals / R. Dhillon, N.K. Jha // *Indian Journal of Psychology and Education*. – 2018. – Vol. 8, № 1. – P. 113–123.

14. Oktrivina, A. Ethical Perceptions of Accounting Students: The Role of the God Locus of Control, Moral Disengagement, and Love of Money / A. Oktrivina, A. Achmadi, H. Hendryadi // *Jurnal Reviu Akuntansi Dan Keuangan*. – 2022. – № 12(1). – P. 144–158.

15. Tanner, C. Does moral commitment predict resistance to corruption? Experimental evidence from a bribery game / C. Tanner, S. Linder, M. Sohn // *PLoS ONE*. – 2022. – № 17(1). – P. 1–22.

16. Roth, E. Structure of personal values and corruption: An experimental analysis of decisions leading to accepting or rejecting bribery / E. Roth, G. Sahonero, A. Rodriguez // *Revista AJAYU*. – 2023. – № 21. – P. 15–36.
17. Kravtsova, M. Values and Corruption: Do Post-Materialists Justify Bribery? / M. Kravtsova, A. Oshchepkov, C. Welzel // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. – 2016. – № 48(2). – P. 225–242.
18. Yeganeh, H. Culture and corruption: A concurrent application of Hofstede's, Schwartz's and Inglehart's frameworks / H. Yeganeh // *International Journal of Development Issues*. – 2014. – № 4. – P. 2–24.
19. Tu, W. Influence of individual values on attitudes toward corruption: What undermine formal anticorruption effectiveness / W. Tu, J. Yang, Y. Zheng // *Asian Journal of Social Psychology*. – 2020. – № 23. – P. 264–277.
20. Леонтьев, Д.А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО) / Д.А. Леонтьев. – М.: Смысл, 2000. – 18 с.
21. Crumbaugh, J.S. An experimental study in existentialism: The psychometric approach to Frankl's concept of noogenic neurosis / J.S. Crumbaugh, L.T. Maholick // *Journal of Clinical Psychology*. – 1964. – Vol. 20, № 2. – P. 200–207.
22. Фетискин, Н.П. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп / Н.П. Фетискин, В.В. Козлов, Г.М. Мануйлов. – М.: Изд-во Института психотерапии, 2002. – 490 с.
23. Cattell, H.E.P. The sixteen-personality factor questionnaire (16PF) / H.E.P. Cattell, A.D. Mead // *The Sage Handbook of Personality Theory and Assessment*. Eds. G.J. Boyle, G. Matthews, D.H. Saklofske. – Personality Measurement and Testing. – 2016. – Vol. 2. – P. 135–139.
24. Жуйкова, С.А. Методики диагностики самоактуализации личности С.Б. Кауфмана и А.В. Лазукина в контексте сравнительно-сопоставительного анализа // *Психология. Психофизиология*. – 2025. – Т. 18, № 1. – С. 31–39.
25. Inglehart, R. Modernization, cultural change, and the persistence of traditional values / R. Inglehart // *American Sociological Review*. – 2000. – № 65. – P. 19–51.
26. Lee, W.-S. Engaging in corruption: The influence of cultural values and contagion effects at the microlevel / W.-S. Lee, C. Guven // *Journal of Economic Psychology*. – 2013. – № 39. – P. 287–300.
27. Barnard, A. A conceptual framework of integrity / A. Barnard, W. Schurink, M. De Beer // *South African Journal of Industrial Psychology*. – № 10.4102. – P. 3412–3427.
28. Sadeghi, M. Sociology in Morality and Its Priority on Sociology of Morality / M. Sadeghi // *International Journal of Engineering & Technology*. – 2018 – № 7 (3.19) – P. 125–128.

## References

1. Tu W., Yang J., Zheng Y. Influence of individual values on attitudes toward corruption: What undermine formal anticorruption effectiveness. *Asian Journal of Social Psychology*. 2020, no. 23, pp. 264–277.
2. Dupuy K, Neset S. The cognitive psychology of Corruption. Micro-level explanations for unethical behavior. *U4 Issue*, 2018, no. 2, available at: <https://www.u4.no/publications/the-cognitive-psychology-of-corruption.pdf> (accessed 12.10.2025).
3. Shvarts Sh. Kul'turnye tsennostnye orientatsii: priroda i sledstviia natsional'nykh razlichii [Cultural value orientations: nature and consequences of national differences]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*, 2008, vol. 5, no. 2, pp. 37–67.
4. Tatarko AN, Maklasova EV, Dubrov DI, Bagdasaryan MA. The Relationship between basic human values and use of information and communication technology among younger and older generations. *Psychological Science and Education*, 2022, no. 27(2), pp. 5–18.
5. Rotondi V, Stanca L. The effect of particularism on corruption: theory and empirical evidence. *Journal of Economic Psychology*, 2015, no. 51, pp. 219–235.
6. Liang Y., Liu L., Tan X., Huang Z., Dang J., Zheng W. The effect of self-esteem on corrupt intention: The mediating role of materialism. *Frontiers in Psychology*, 2016, no. 7, pp. 1–11.
7. Bai B., Liu X., Ko Y. Belief in a just world lowers bribery intention. *Asian Journal of Social Psychology*, 2016, no. 19 (1), pp. 66–75.
8. Abraham J., Suleeman J., Takwin B. The psychology of corruption: the role of the counterfeit self, entity self-theory, and outcome-based ethical mindset. *Journal of Psychological & Educational Research*, 2018, no. 26 (2), pp. 7–32.
9. Lee W., Guven C. Engaging in corruption: The influence of cultural values and contagion effects at the microlevel. *Journal of Economic Psychology*, 2013, no. 39, pp. 287–300.
10. Trevino L.K., Youngblood S.A. Bad apples in bad barrels: a causal analysis of ethical decision-making behavior. *Journal of Applied Psychology*, 1990, no. 75(4), pp. 378–386.
11. Reckers P., Samuelson M. Toward resolving the debate surrounding slippery slope versus licensing behavior: the importance of individual differences in accounting ethical decision making. *Advances in Accounting, Incorporating Advances in International Accounting*, 2016, no. 34, pp. 1–16.
12. Smith A., Hume E.C., Zimmermann R., Davis A. The global significance of locus of control in ethical decision making: a multi-country examination of university students. *Faculty Publications*, 2007, no. 32, available at: <https://scholar->

works.sfasu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1031&context=ac-counting\_facultypubs (accessed 22.09.2025).

13. Dhillon R., Jha N.K. Locus of control: a comparative study of criminals and not-criminals. *Indian Journal of Psychology and Education*, 2018, vol. 8, no. 1, pp. 113–123.

14. Oktrivina A., Achmadi A., Hendryadi H. Ethical perceptions of accounting students: the role of the god locus of control, moral disengagement, and love of money. *Jurnal Reviu Akuntansi Dan Keuangan*, 2022, no. 12(1), pp. 144–158.

15. Tanner C., Linder S., Sohn M. Does moral commitment predict resistance to corruption? Experimental evidence from a bribery game. *PLoS ONE*, 2022, no. 17(1), pp. 1–22.

16. Roth E., Sahonero G., Rodriguez A. Structure of personal values and corruption: An experimental analysis of decisions leading to accepting or rejecting bribery. *Revista AJAYU*, 2023, no. 21, pp. 15–36.

17. Kravtsova M., Oshchepkov A., Welzel C. Values and corruption: do post-materialists justify bribery? *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2016, no. 48(2), pp. 225–242.

18. Yeganeh H. Culture and corruption: a concurrent application of Hofstede's, Schwartz's and Inglehart's frameworks. *International Journal of Development Issues*, 2014, no. 4, pp. 2–24.

19. Tu W., Yang J., Zheng Y. Influence of individual values on attitudes toward corruption: What undermine formal anticorruption effectiveness. *Asian Journal of Social Psychology*, 2020, no. 23, pp. 264–277.

20. Leont'ev D.A. Test smyslozhiznennykh orientatsii (SZhO) [Purpose-in-Life Test (PIL)]. Moscow, Smysl, 2000, 18 p.

21. Crumbaugh J.S., Maholick L.T. An experimental study in existentialism: The psychometric approach to Frankl's concept of noogenic neurosis. *Journal of Clinical Psychology*, 1964, vol. 20, no. 2, pp. 200–207.

22. Fetiskin N.P., Kozlov V.V., Manuilov G.M. Sotsial'no-psikhologicheskaya diagnostika razvitiia lichnosti i malykh grupp [Socio-psychological diagnostics of personality development and small groups]. Moscow, 2002, 490 p.

23. Cattell H.E.P., Mead A.D. The sixteen-personality factor questionnaire (16PF). In: Boyle G.J., Matthews G., Saklofske D.H. (Eds.). *The Sage Handbook of Personality Theory and Assessment*. Personality Measurement and Testing, 2016, vol. 2, pp. 135–139.

24. Zhuikova S.A. Metodiki diagnostiki samoaktualizatsii lichnosti S.B. Kaufmana i A.V. Lazukina v kontekste sravnitel'no-sopostavitel'nogo analiza [Methods for diagnosing self-actualization of personality by S.B. Kaufman and A.V. Lazukin in the context of comparative analysis]. *Psikhologiya. Psikhofiziologiya*, 2025, vol. 18, no. 1, pp. 31–39.

25. Inglehart R. Modernization, cultural change, and the persistence of traditional values. *American Sociological Review*, 2000, no. 65, pp. 19–51.

26. Lee W.-S., Guven C. Engaging in corruption: The influence of cultural values and contagion effects at the microlevel. *Journal of Economic Psychology*, 2013, no. 39, pp. 287–300.

27. Barnard A., Schurink W., De Beer M. A conceptual framework of integrity. *South African Journal of Industrial Psychology*, no. 10.4102, pp. 3412–3427.

28. Sadeghi M. Sociology in morality and its priority on sociology of morality. *International Journal of Engineering & Technology*, 2018, no. 7 (3.19), pp. 125–128.

Оригинальность 84 %

Поступила 05.11.2025

Одобрена 26.11.2025

Принята к публикации 28.01.2026

**M.N. Makarova, M.G. Saveleva**

## **THE IMPACT OF VALUE FACTORS ON CORRUPTION PROPENSITY IN UNIVERSITY STUDENTS**

The article examines the impact of value factors on university students' propensity for corrupt behavior. The authors conduct a thorough analysis of existing research dedicated to the interrelation between individual values and corruption-related attitudes. The basis of their investigation lies in an interdisciplinary approach, combining axiology, which studies human value systems, with a sociocultural perspective that addresses cultural-historical contexts. The main objective of the study is to identify key factors contributing to the perception and acceptance of corruption among young people.

The empirical foundation of the research consists of survey data collected from students in the Republic of Udmurtia during autumn 2025. Using quantitative analysis, dependencies were established between various personality traits (such as conscientiousness, materialism, creativity, and internal versus external orientations) and the readiness to justify acts of corruption. Findings indicate that students who possess strong moral principles and post-materialistic beliefs demonstrate a lower tolerance for corruption. Additionally, differences in the perception of corruption based on gender and academic level were identified. Male students tend to be more prone to excusing corrupt actions compared to female students, while older students generally display greater intolerance towards corruption than younger ones.

Key conclusions confirm the pivotal role of moral integrity and survival-oriented values in the predisposition to corruption. These outcomes provide a groundwork for effective preventive efforts in universities, including specialized programs and training aimed at reinforcing anti-corruption norms and cultivating critical thinking skills among students.

Keywords: *values, corruption, conscientiousness, postmaterialism, socio-cultural approach, axiological approach.*

**Marina N. Makarova** – Dr. Sc. (Sociology), Docent, Professor of the Department of Sociology of Udmurt State University, e-mail: makmar11@mail.ru.

**Marina G. Saveleva** – Cand. Sc. (Pedagogy), Docent, Associate Professor of the Department of Pedagogy and Pedagogical Psychology of Udmurt State University, e-mail: savelievamarinatich@mail.ru.

Received 05.11.2025

Accepted 26.11.2025

Published 28.01.2026

**Финансирование.** Исследование не имело спонсорской поддержки.

**Конфликт интересов.** Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

**Вклад авторов** равноценен.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Макарова, М.Н. Влияние ценностных факторов на склонность к коррупции у студентов вуза / М.Н. Макарова, М.Г. Савельева // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. – 2026. – № 1. – С. 23–39.

Please cite this article in English as:

Makarova M.N., Saveleva M.G. The impact of value factors on corruption propensity in university students. *PNRPU Sociology and Economics Bulletin*, 2026, no. 1, pp. 23-39. (*In Russ.*).